

В. Г. Белинский

Браво, или Венецианский бандит...

Виссарион Григорьевич Белинский

Браво, или Венецианский бандит...

«Купер явился после Вальтера Скотта и многими почитается как бы его подражателем и учеником; но это решительная нелепость: Купер – писатель совершенно самостоятельный, оригинальный и столько же великий, столько же гениальный, как и шотландский романист. Принадлежа к немногому числу перворазрядных, великих художников, он создал такие лица и такие характеры, которые навеки останутся художественными типами...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Браво, или Венецианский
бандит...**

БРАВО, ИЛИ ВЕНЕЦИАНСКИЙ БАНДИТ, ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН. Сочинение Д.-Ф. Купера. Санкт-Петербург. 1839. В типографии Конрада Вингебера, Четыре части: I – 189, II – 206, III – 192, IV – 218. (12).

Купер явился после Вальтера Скотта и многими почитается как бы его подражателем и учеником; но это решительная нелепость: Купер – писатель совершенно самостоятельный, оригинальный и столько же великий, столько же генияльный, как и шотландский романист. Принадлежа к немногому числу перворазрядных, великих художников, он создал такие лица и такие характеры, которые навеки останутся художественными типами: вспомните его Соколиного-Глаза, который потом является Тенетником, вспомните его *пчелиного охотника* Павла, его Твердосердого, его Харвея Бирша, его Джона-Поля[1]{1} и множество других лиц, вероятно, столько же как и мне, знакомых и перезнакомых вам. Сверх того, будучи гражданином молодого государства, возникшего на молодой земле, не похожей на наш старый свет, – он через это обстоятельство как будто бы создал особый род романов – *американско-степных* и *морских*. В самом деле: эти дивные изображения беспредельных степей Америки, покрытых травой выше человеческого роста, населенных стадами бизонов, пересекаемых огром-

ными лесами, таящими в себе краснокожих детей Америки, ведущих и между собою и с белыми непримиримую брань, – где, у кого, кроме Купера, можете вы найти все это? – А море, а корабль – тут он опять как у себя дома; ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля, как искусный капитан – он умеет управлять им, и нападая на неприятельское судно и убегая от него. На тесном пространстве палубы он умеет завязать самую многосложную и в то же время самую простую драму, и эта драма изумляет вас своею силою, глубиною, энергиею, величию, а между тем в ней все так, по видимому, спокойно, неподвижно, медленно, обыкновенно. Дивный, могучий, великий художник! Вот это-то и заставило всех сделать ложное заключение, что Купер может быть у себя дома только в степи, лесу да на море; но что если перенесет место действия своего романа на твердую землю, то непременно потерпит кораблекрушение и сядет на мель. Но великий художник не побоялся карканья критических вороньев или ворон; но, распра-

вив свои могучие орлиные крылья, и на чужом материке, под чужим небом полетел тем же, ему одному свойственным полетом, каким парил он и под небом своей родины. «Браво», роман, местом действия которого Купер избрал Венецию, служит этому доказательством. Недавно этот роман явился на русском языке в самом безграмотном переводе {2}, какой только может себе вообразить самое пылкое и смелое безграмотное воображение, – и почти во всех наших журналах было повторено, что Купер – хороший романист у себя в Америке да на море, а в Европе – срезался и что его «Браво» – скучный и пошлый роман{3}. Вот так-то – что много думать!..

Признаемся, не без страха принялись мы за чтение «Браво»: нам было бы грустно удостовериться, что такой великий художник, как Купер, мог писать плохие романы, как какой-нибудь Бальзак. Вот уже мы, через великую силу, прочли главу, другую... перевод уже одолевал наше терпение, нашу любовь к искусству, готовую на великие жертвы – даже на чтение таких переводов... но вот мрак начал рассеиваться, легкие очерки стали пре-

вращаться в живописные фигуры, слабые тени – в живые образы и лица – и, несмотря на ужасный перевод, мы уже не читали, а с ненасытною жадностию пожирали остальные главы и части... И теперь, когда уже роман давно прочтен, и теперь носятся перед нашими глазами эти дивные образы, которые могла создать только фантазия великого художника... Вот старый рыбак Антонио, с его энергическою простотою нравов, с его благородною грубостию; вот глубокий, могучий, меланхолический Браво; вот кроткая, чистая, милая Джельсомина; вот ветреная и лукавая Анина – какие лица, какие характеры! как сроднилась с ними душа моя, с какою сладкою тоскою мечтаю я о них!.. Коварная, мрачная, кинжальная политика венецианской аристократии; нравы Венеции; регата, или состязание гондольеров; убийство Антонио – все это выше всякого описания, выше всякой похвалы. И все это так просто, так обыкновенно, так мелко, по-видимому; люди хлопочут, суетятся: кто хочет погулять, кто достать деньжонок, кто поволочиться, кто пощеголять; лица всех веселы, публичные гулянья

пестреют масками, по каналам разъезжают гондолы, – но из всего этого выставляется какой-то колоссальный призрак, наводящий на вас оцепеняющий ужас... И все действие продолжается каких-нибудь три дня; внешних рычагов нет – вся драма завязывается из столкновения разных индивидуальностей и противоположности их интересов, все события самые ежедневные, – но только не раз во время чтения опустится у вас рука с книгой, и долго, долго будете вы смотреть вдаль, не видя перед собою никакого определенного предмета...

Прежде нежели произносить такой решительный и такой презрительный приговор произведению такого великого мастера, как Купер, – не худо было бы прочесть его в подлиннике, если доступен язык его, или хоть во французском переводе, потому что все французские переводчики, вопреки большей части русских, имеют похвальную привычку заботиться о смысле и правильности языка.

Теперь о переводе «Браво». Вот вам несколько образчиков, впрочем еще не самых отчаянных: «Пошел с веселостию в другую

комнату, будучи слишком привыкши к интригам, чтобы заняться этою поосновательнее. – И это-то ты называешь *твое знание* людей. – Рука воспитанницы его, будучи однажды соединена с моею, и зло, до этого относящееся, сделается невозвратимым. – Особенное положение Венеции и число находившихся в ней моряков соделали город этот знаменитым забавою этого рода. Семейства были известны и славны целые столетия своим искусством и ловкостью править веслом, так как в Риме *таковые* были знамениты подвигами менее полезными и менее невинными. Было обыкновение избирать из этих семейств людей самых сильных и ловких; и, призвав на помощь святых своих и осуществляя гордость и воспоминания свои песнями, в которых упоминались великие дела их предков, соперники пускались к цели со всем жаром, который только честолюбие и страсть к победе внушить могут»{4}. Не правда ли, что очень хорошо? – И весь-то роман *так* переведен, и еще с подлинника: как не согрешишь, не скажешь, что *не в помощь богатство?*..

Сноски

1

А этого не угодно ли для курьезу сравнить с Джоном-Подем г. Александра Дюма, чтобы увидеть разницу между самобытным гением творчества и литературным обезьянничеством жалкой, посредственности{5}.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Перечисляются герои романов Купера «Последний из могикан», «Американские степи», «Шпион».

[^^^]

2

Роман был переведен Е. Коведяевым.

[^^^]

Так писали «Сын отечества» (1839, № 2, отд. IV, с. 128), «Библиотека для чтения» (1839, № 3, отд. VI, с. 4), «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» (1839, т. I, № 6). На этом фоне отрицательных отзывов русской периодики о первом «европейском» романе Купера особый интерес представляет рецензия Белинского, который подчеркнул умение Купера увидеть необыкновенное в обыденном, драму жизни в событиях простых.

[^^^]

4

Цитируются: ч. I, с. 123, 186; ч. III, с. 8; ч. II, с. 11–12. Курсивы Белинского.

[^^^]

5

Джон-Поль – герой романа Купера «Лоцман» и романа Александра Дюма «Капитан Поль».

[^^^]

[^^^]